

АСЫ И БУРТАСЫ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ И В ПРЕДУРАЛЬЕ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ

© 2023 А.В. Богачев

Аннотация. Статья посвящена проблеме локализации сармат-асов и буртасов в Волго-Уралье на основе анализа данных топонимики. Выявлено около 90 топонимов с морфемой –ас/аз, которая вероятно восходит к этнонимам асы и буртасы. Карта топонимов была сопоставлена с картами распространения артефактов, связываемых с сарматами. Установлено, что в Волго-Уралье на границах именьковской культуры в V – VI вв. жили сарматы-асы. На рубеже VI – VII вв. они переселились на правый берег Средней Волги. Арабские письменные источники сообщают о существовании в «долине Итиля» буртасов. Согласно Ибн Са'иду в районе расселения буртасов имеется два гидронима *Мазга*. Рядом с Волгой (в бассейне реки Терешка) выявлена группа топонимов (включая гидронимы) *Маза* и *Буртас*. На рубеже I – II тыс. буртасы переселились в более западные районы (Пензенская обл., Мордовия), а в XIII в. – на территорию современной Чувашии и Татарстана.

Ключевые слова: сарматы, асы, буртасы, именьковская культура, турбаслинская культура, топонимы, Средняя Волга, Урал, средние века.

THE AS AND THE BURTAS IN THE MIDDLE VOLGA REGION AND THE URALS ACCORDING TO THE PLACE NAMES DATA

© 2023 A.V. Bogachev

Abstract. The article is devoted to the issue of the As(Az)-Sarmatians' and the Burtas' place of habitation in the Volga-Ural region on the basis of the place names analysis. About 90 place names with the morpheme «as/az» have been found. This morpheme probably can be traced to the ethnonyms «As/Az» and «Burtas». The place names map was compared to the map of the distribution of artifacts related to the Sarmatians. It has been found that the As(Az)-Sarmatians lived in the Volga-Ural region along the borders of the Imenkov Culture in the 5th-6th centuries. At the turn of the 6th and 7th centuries they migrated to the right coast of the Middle Volga. According to the Arabic written sources, the Burtas did live in the «Itil (Atil) region». According to Ibn Sa'īd, there are two hydronyms «Mazga» in the Burtas settlement area. A group of place names «Maza» and «Burtas», including hydronyms, has been found near the Volga in the Tereshka River region. At the turn of the 1st and 2nd millennium the Burtas migrated to the western areas (the Penza region, Mordovia) and then in the 13th century they moved to the area of present-day Chuvashia and Tatarstan.

Keywords: Sarmatians, aces, burtases, Imenkovskaya culture, Turbasli culture, toponyms, Middle Volga, Ural, Middle Ages.

Согласно одной из версий этноним «буртасы» переводится как *потомки асов* (Афанасьев, 1987. С. 167; и др.). Нам представляется важным попытаться найти места обитания собственно алан-асов, до того момента как они «переформатировались» в буртасов. И как мы покажем ниже, следы асов достаточно отчетливо представлены в топонимическом наследии Среднего Поволжья и Предуралья (рис. 1), которое определенно коррелирует с данными археологии и письменных источников.

В январе 1990 года на базе Пензенского государственного объединенного краеведческого музея была проведена межобластная научная конференция «Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов». Ее организатору Александру Васильевичу Расторопову удалось собрать ведущих специалистов (археологов, историков, лингвистов) по обозначенным вопросам из Москвы, Баку, Казани, Свердловска (Екатеринбург), Уфы, Самары, Элисты, Волгограда и Пензы. Вероятно, проведение этого форума было стимулировано, выходом в свет в

1987 году монографии Г.Е. Афанасьева, в которой автор предложил оригинальную идею отождествления буртасов с носителями лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры: «эта связь подтверждается также правомочностью отождествления реки Буртас с Доном. Согласуются с нашим выводом и возможные варианты перевода этнонима «буртас» сложносоставным словом «бурт/фурт-ас», обозначающим название аланских племен Северного Кавказа – асов, которые в середине VIII в. мигрировали в лесостепную зону бассейна Среднего Дона» (Афанасьев, 1987. С. 167).

Далеко не все участники форума согласились с этой трактовкой. И дискуссия о буртасах, начатая исследователями XIX – первой половины XX вв. (Д.А. Френ, В.В. Гольмстен, Е.И. Горюнова, А.Е. Алихова и др.), получила новый импульс. Справедливости ради заметим, что уже первые статьи Г.Е. Афанасьева с гипотезой об алано-аской этнолингвистической интерпретации буртасов вызвали горячее обсуждение на страницах авторитетного академического журнала «Советская этнография». В частности, достаточно одно-

значно высказался А.Х. Халиков: «попытка Г.Е. Афанасьева отождествить буртасов с носителями лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры не подтверждается ни письменными, ни археологическими материалами» (Халиков, 1985. С. 164). Отповедь оппоненту со стороны Г.Е. Афанасьева была не менее аргументированной и однозначной: «Старая система аргументов, использованная А.Х. Халиковым, для доказательства изначальной тюркоязычности буртасов и их волжской локализации мне представляется несостоятельной, а его попытки найти несоответствия в культуре буртасов и носителей лесостепного (аланского) варианта СМК – не имеющими под собой достаточной историко-лингвистической базы» (Афанасьев, 1985. С. 169).

Следует отметить, что в «сухом остатке» суть дискуссии двух замечательных исследователей сводилась к констатации факта узости источниковой базы.

И если внимательно посмотреть на материалы конференции, проведенной в Пензе в 1990 году, то ссылок на какие-то принципиально новые источники, позволяющие как-то по-иному взглянуть на проблему буртасов, там не было¹. Исследователи, как правило, ограничились своим видением отдельных ее составляющих. Исключением стала публикация Т.М. Калининой, в которой был предложен оригинальный сравнительный анализ текстов о буртасах ал-Истахри, Ибн Хаукала и ал-Масуди (Калинина, 1990), а также статья И.Г. Коноваловой, в которой сравнивались фрагменты текстов о буртасах Ибн Са'ида и Абу-л-Фиды (Коновалова, 1990). Однако, сам факт проведения конференции, привлечший внимание исследователей к проблеме этнокультурной идентификации буртасов, вне всякого сомнения заслуживает положительной оценки и добрых слов в адрес его организатора А.В. Расторопова.

Вторая конференция в Пензе состоялась два года спустя в 1992 году. Она была не менее представительной, чем первая. Были представлены научные центры Москвы, Киева, Харькова, Казани, Самары, Пензы, Ельца, Воронежа, Волгограда, Ульяновска, Элисты. Однако в теме конференции – Вопросы этнической истории Волго-Донья – буртасский вопрос специально обозначен не был. Впрочем, в заявленных участниками темах докладов его тоже не было.

Эта ситуация нам представляется вполне объяснимой и объективной – все, что можно было сказать о буртасах было сказано два года назад. Новых источников и новых идей не появилось, и буртасская проблематика временно отошла в тень.

Таким образом, к 90-м годам XX века в историографии оформилось четыре основных версии этнолингвистической принадлежности буртасов: финская (мордовская), угорская (мадьярская), тюркская (мишарская)

и иранская (алано-асская)². Несмотря на различные варианты географической локализации буртасов (Полдонец, Поволжье, Приуралье, Кавказ), все исследователи были вынуждены, так или иначе, «привязываться» к Волге. Именно с этой рекой связан исторический и географический контекст событий в повествованиях средневековых авторов о буртасах.

Однако археологическое изучение различных регионов Поволжья к 1990-м годам было неравнозначным. Археологические работы в ряде областей носили сугубо эпизодический характер и были связаны главным образом с новостройками. В этих обстоятельствах трудно было ожидать появления какой-то стройной концепции этнокультурного развития Среднего Поволжья и сопредельных территорий I тыс. н.э.

Однако появление собственных археологических центров в целом ряде регионов Волго-Камья, формирование собственных кадров привело к интенсификации полевых исследований. Следствием всего этого стали раскопки знаковых памятников (Лбище, Коминтерн, Старая Майна, Большие Тиганы, Танкеевка, Новинки, Брусяны, Уфа II и др.), материалы которых позволили исследователям скорректировать (а порой кардинально изменить) свои взгляды на этнокультурную историю региона. Достаточно показательна в этой связи дискуссия об именьковской культуре, которую связывали и с восточными буртасами, и с угро-мадьярами, и с тюрками, и с финнами, но в конечном итоге признали славянской (Богачев, Кузнецов, Хохлов, 2019; 2021; 2022).

Принципиально важным представляется то, что были введены в научный оборот и опубликованы как монографии материалы многих исследованных знаковых памятников региона (Матвеева, 1997; 2004; Мажитов, 1968; 1981; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998; Богачев, 1998; История Самарского..., 2000; Сташенков, 2005; 2007; Сунгатов, 1998; История татар..., 2002; и др.).

Лингвистика (Напольских, 1996), археозоология (Рослякова, 2007), антропология (Хохлов, 2007; Газимзянов, 1995; Богачев, Ермаков, Хохлов, 1996), почвоведение (Васильева, 2007), новые методы изучения техники и технологии древнего гончарства (Бобринский, 1991; 1999; Салугина, 1988; 2000) и металлургии (Семькин, 1997; Кондрашин, 2003), компьютерная обработка источников (Ковалевская, 1995; 2000) в 1990-е годы начали давать археологам новое знание. Структурирование методик и процедур классификации и хронологического анализа археологического материала позволило, в частности, установить последовательность смены археологических культур Среднего Поволжья I тыс. н.э. и сопредельных территорий (Айбабин, 2003; Амброс, 1989; Засецкая, 1994; Ковалевская, 1981; Бо-

¹ И это отчетливо видно 33 года спустя. Публикации из указанного сборника практически не цитируются.

² Авторство различных версий см.: Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов (тезисы к межобластной научной конференции). Пенза, 1990.

гачев, 1992а, 1992б; Голдина, 1999; Голдина, Водолаго, 1990; Гавритухин, Малашев, 1998; Могильников, 1981; Останина, 1997).

Вместе с тем объективно существующая инерция человеческого мышления тормозила принятие нового знания, особенно если это знание действительно прорывное, идущее в разрез с существующей исследовательской парадигмой, которой придерживается большинство. Порой от полного неприятия новой гипотезы научным сообществом, до полного ее принятия проходят десятилетия (Богачев и др., 2022).

Все сказанное самым непосредственным образом связано с проблемой бургасов.

Новый взгляд на вопросы формирования этого этноса был предложен Е.П. Казаковым. Интересно и важно, что исследователь в своем анализе базировался на уникальных материалах Коминтерновского II могильника, который исследовался им в 1984–1992 гг. (Казаков, 2021).

Уже в одной из первых (предварительных) публикаций этого могильника Е.П. Казаков, оттолкнувшись от факта его биритуализма (кремации и ингумации), писал о возможности существовании некоей турбаслинско-именьковской общности. «Соблазнительно связывать, учитывая находки VII – VIII вв. в Саратовском Поволжье сложных по конструкции могил со шкурами лошади, дальнейшие судьбы турбаслинского населения с бургасами (заметим, что с последними Н.Ф. Калинин соотносил именьевскую культуру). Привлекает внимание значительное сходство важнейших элементов турбаслинской культуры и бургас, известной по письменным источникам: совершение захоронений как по обряду трупосожжения, так и по обряду трупоположения, важная роль женщины, которая сама выбирала себе мужа, отличие культуры от болгарской и пр. Однако, отсутствие изученных памятников IX в., генетически продолжающих традиции, оставляя эту связь лишь на гипотетическом уровне» (Казаков, 1996. С. 49).

Турбаслинцы же, по мнению Е.П. Казакова, наследуют культуру поздних сармат: «Судя по детально представленному костюму в именьевско-турбаслинских памятниках, включающему парные плечевые фибулы, застежки и ряд нагрудных (бутыльчатых в виде «медведок», пластинчатых и др.) подвесок на ремешках, украшенных бронзовыми пронизками и др., данное население, скорее всего, связано с поздними сарматами» (Казаков, 2004, С. 283–284).

Гипотеза Е.П. Казакова вызвала критику Г.И. Матвеевой: «нет оснований связывать появление обряда ингумации с проникновением в Среднее Поволжье турбаслинских племен. Особенно много общих черт именьевская культура имеет с черняховской, для могильников которой характерен биритуализм. В черняховских погребениях, совершенных по обряду ингумации, можно найти некоторые параллели обряду и инвентарю

коминтерновских погребений. Так, наряду с простыми прямоугольными могилами встречаются могильные ямы с заплечиками круговыми или в длинных стенках. В могилах иногда встречаются следы дерева от каких-то внутримогильных конструкций, возможно, гробов. Северная ориентировка, иногда с отклонением к западу, отмеченная в Коминтерновском II могильнике, является типичной и для черняховских погребений» (Матвеева, 1996. С. 62–63).

В более поздней своей работе Г.И. Матвеева не возвращалась к идее о черняховских истоках коминтерновских ингумаций и высказала несколько иной взгляд на эту проблему: «Сложнее решить вопрос о происхождении обряда трупоположения в Коминтерновском II могильнике. Скорее всего, появление этого обряда у именьевского населения, оставившего этот могильник, связано с притоком иноэтничных групп населения на территорию именьевской культуры. Об исходном районе миграции иноэтничного населения судить пока трудно, однако наличие в составе погребального инвентаря некоторых вещей (пряжки, ленточки седел) позволяет видеть в пришельцах племена степной полосы Восточной Европы гуннского времени» (Матвеева, 2004. С. 73).

По мнению Е.П. Казакова, в VII в. кочевнические племена кушнаренковской культуры вытеснили представителей турбаслинско-именьковской общности «в правобережье Саратовского Поволжья, где они проживали в соседстве с салтовскими болгарами» (Казаков, 2013. С. 25).

И в настоящее время Е.П. Казаков продолжает считать, что «часть сарматских племен уже в раннем средневековье, в южных районах Среднего Поволжья и Приуралья вели оседлый образ жизни, занимаясь земледелием. Они оставили памятники именьевской культуры» (Казаков, 2020. С. 523). В недавней своей работе исследователь предположил, что вождь «Пургасовой Руси» «был, вероятно, одним из потомков асов-сармат, судя по его имени» (Казаков, 2020. С. 169).

Таким образом, именно новые археологические материалы (Коминтерн II, Ташкирмень, Новослободское и др.) позволили Е.П. Казакову прибавить к существующим этнолингвистическим гипотезам идентификации бургасов, еще одну: бургасы – это потомки ираноязычных асов-сармат, выделившихся из турбаслинско-именьковской общности (рис. 2) и переселившихся в VII веке на правый берег Средней Волги под натиском продвигавшихся из Приуралья угров (кушнаренковская культура).

В целом я поддерживаю эту гипотезу. В ряде недавних публикаций (Богачев, 2013; 2016; Богачев и др., 2019; 2022) мы привели ряд аргументов в пользу того, что сарматы, аланы, гото-аланы и готы проживали на Средней Волге вместе с собственно славянами,

образуя сложное полиэтничное этнокультурное образование, известное в науке как именьковская культура.

В своем энциклопедическом труде «Готский путь» М.Б. Щукин отмечал, что «Аланы практически никогда не действуют самостоятельно, а всегда в союзе с кем-нибудь, всегда сравнительно небольшими, но всегда боеспособными отрядами конников» (Щукин, 2005. С. 357).

Картографирование артефактов (рис. 3–5), традиционно связываемых в Восточной Европе с сарматским миром (кольцевые подвески с выпуклинами, полиэдрические серьги, антропоморфные металлические фигурки), показывает, что на Средней Волге и в Предуралье они не найдены в комплексах-кремациях на моноритуальных (славянских) могильниках. Но на памятниках, где присутствует аланский (гото-аланский), они представлены. Интересно, что все эти памятники находятся на периферии (на пограничье) именьковского мира (Богачев, 2016).

Однако границы этнокультурных сообществ в древности не равны государственным границам современности. По причине разного рода естественных явлений – природных (засуха и т.п.) и социальных (эпидемии и т.п.), первые были в значительной степени подвижны. Зачастую различные в культурном и языковом отношении этносы мирно жили бок о бок друг с другом, занимая, тем не менее, различные природные ниши.

В пределах Среднего Поволжья выделяются ландшафты лесной, лесостепной и степной зон (Физико-географическое районирование..., 1964. С. 7). Причем территориально доминирует именно лесостепь. И в определенном (природно-географическом) смысле Север сошелся здесь с Югом.

Лесостепь – устойчивое динамическое явление, характеризующееся комплексом факторов абиотической среды и специфической биотой. Она имеет автохтонное происхождение и обособилась уже в плиоцене (Мильков, 1950).

В современный геологический период лесостепная зона представлена островными водораздельными лесами и значительными безлесными степными пространствами. Характерно, что обычно они резко отграничены друг от друга. Нередко для обозначения лесостепной зоны употребляется понятие «луговые» или «северные» степи. Последние пространственно сочетаются с лесами и представляют собой флористически богатые злаково-разнотравные сообщества (Ильина, Симонова, 1996. С. 69).

В природном отношении специалисты рассматривают лесостепь как «арену» двух борющихся за площадь типов растительности – леса и степи (Берг, 1952; Зозулин, 1973). В этой связи, границы лесостепи (физиономически, климатически, экологически и т.д.) в разные эпохи несколько различались. В частности, на территории Самарского Поволжья (южное пограничье лесосте-

пи) эта граница «ранее проводилась по реке Самаре, но на последних геоботанических картах она отодвинута к северу и ныне проходит по р. Самаре лишь в нижнем ее течении, а восточнее – по р. Большой Кинель, правому притоку Самары» (Ильина, Симонова, 1996. С. 68). Северная граница лесостепного Поволжья традиционно обозначается на широте приустьевой части Камы.

Исследователи отмечают, что «лесостепь можно рассматривать как своеобразный природный накопитель необходимых условий жизнеобеспечения, куда время от времени были направлены миграционные процессы» (Синюк, 1996. С. 35). Наряду с громадной кормовой базой в виде злакового разнотравья, благоприятствовавшей ведению скотоводческого хозяйства, лесостепь обладала и особенно богатым животным миром, и ихтиофауной, позволявшими на длительное время сохранять рентабельность присваивающей экономики. Такая экономика предполагала вдвое большую, в сравнении с сопредельными зонами, демографическую емкость (Долуханов, 1979).

Таким образом, Средневожье с древности влекло к себе человеческие коллективы не столько эстетикой ландшафтов, сколько природным изобилием. Люди во все времена искали «гарантированный прожиточный минимум». Природные ресурсы данной местности им эти гарантии предоставляли.

Столь подробный экскурс в вопросы, связанные с природой и географией нам понадобился для того, чтобы, в частности, подчеркнуть, что кочевникам-сарматам, было совсем не обязательно вести «оседлый образ жизни, занимаясь земледелием» (Казаков, 2020. С. 523). Степных пространств для разведения и выпаса скота в лесостепном Поволжье было предостаточно. В частности, подкурганые погребения VI в., близкие по обряду и инвентарю турбаслинским, были выявлены в степи на правом берегу Волги (Богачев, 1990. С. 15–19) (рис. 6).

Биритуальные могильники – свидетельство межэтнических браков. Они не обязательно являются маркером смены хозяйственно-культурного уклада. Оседло-земледельческие племена славян-именьковцев и скотоводческие полусоседские племена иранцев-турбаслинцев в массе своей оставались таковыми вплоть до вытеснения их из региона мадьярами-кушнарковцами.

Именно по этой причине в VII веке они безболезненно разошлись. Первые ушли на Днепровское Левобережье и переформатировались в «волынцевцев», а вторые заняли правый берег Волги и стали буртасами – «речными асами» (по одной версии дешифровки этнонима) или «потомками асов» (по другой).

Вероятно, именно к буртасам примкнули и те родоплеменные объединения, которые оставили на Нижней Каме и на Средней Белой биритуальные могильники, прекратившие функционировать на рубеже VI – VII в. Этим можно объяснить двойственный характер погребальной обрядности и смешанный тип хозяйства

(включая домостроительство) буртасов письменных источников.

Однако если волынцевская археологическая культура на Днепре представлена массой материалов, то археологические свидетельства пребывания буртасов на Волге в настоящее время отсутствуют.

Тем не менее, данные топонимики дают нам возможность разглядеть на Средней Волге следы пребывания не только буртасов, но и собственно их предков – асов.

Нам удалось выявить на Средней Волге и в Предуралье 86 топонимов³ с морфемой *-ас/аз*, 15 из которых – этнопонимы (13 – *буртасы* и 2 – *асы/ассы*).

Подавляющее большинство топонимов с морфемой *-ас* сконцентрированы в бассейне Средней Белой и на сопредельных с ней территориях. Именно в этих местах, по мнению исследователей (Казаков, 2021; Мажитов, 1959; 1968; Сунгатов, 1998), концентрируется большинство памятников классической турбаслинской культуры (рис. 2), в материалах которых найдены кольцевидные подвески с выпуклинами, серьги с многогранником и антропоморфные амулеты.

Вторым центром, где достаточно определенно накапливаются друг на друга топонимы с морфемой *-ас/аз* и вышеперечисленные типы артефактов, является Самарская Лука.

Между двумя этими центрами имеется своего рода «мосток» из нескольких топонимов с морфемой *-ас/аз*.

Хочу обратить внимание читателей, что в своего рода кольце топонимов с морфемой *-ас/аз* достаточно определенно фиксируется область, границы которой практически полностью повторяют контур именниковской археологической культуры (рис. 2). Кольцевые подвески с выпуклинами, полиэдрические серьги и антропоморфные амулеты также найдены исключительно на границах обозначенной территории. Изначально эти типы вещей появились в сармато-аланской культурной среде и распространились достаточно широко, и их присутствие в тех или иных районах Европы маркирует сармато-аланский след (Богачев и др., 2022).

Считается, что природные топонимы (названия рек, озер, гор, холмов, урочищ, заливов, островов) имеют более глубинные (более древние) корни, нежели названия населенных пунктов (общеизвестно, что, например, город Самара поименован по реке Самара, а не наоборот). В этой связи карты природных топонимов могут, что называется, заострить внимание исследователя.

На созданной нами карте (рис. 7) обособленно смотрится достаточно компактная группа, состоящая из пяти гидронимов с одинаковым названием – *Маза*. Это небольшие реки, одна из которых (самая северная) является притоком реки Уса, одна – притоком непо-

средственно Волги, а три – притоком реки Терешка, которая берет начало на Приволжской возвышенности (высота истока 320 м), течет параллельно Волге в 30–50 км от нее и впадает в Волгу в 45 км выше от Саратова. На 273 км протяженности Терешки приходится 28 впадающих в нее речек.

Так может быть это и есть страна буртасов – речных асов? А река Терешка, возможно, и есть река Буртас⁴, впадающая в Итиль, согласно письменным источникам?

Мы намеренно не будем цитировать сотни раз воспроизведенные фрагменты о буртасах из ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал Масуди и других арабских авторов лишь для того, чтобы сконцентрировать внимание читателя на сведениях, содержащихся в географическом сочинении испано-арабского ученого, писателя и путешественника XIII в. Ибн Са'ида ал Магриби. Ниже воспроизведен небольшой фрагмент из сочинения Ибн Са'ида по публикации И.Г. Коноваловой.

«Буртасы занимают значительную территорию на реке Атил, текущей к юго-востоку от них. К востоку от буртасов находится большой залив огромного моря Таб̄аристан, а к востоку от залива – озеро М̄азг̄а, размер которого по окружности равен приблизительно 8 дням пути. В это озеро впадают полноводные реки, берущие начало на большой горе Асгарун, о которой говорится в 7 климате. С этой горы течет полноводная река М̄азг̄а. Она также впадает в озеро и вытекает из него в длинную реку Атил» (Коновалова, 1990. С. 45).

В настоящем фрагменте, прежде всего, буквально бросаются в глаза два гидронима (озеро М̄азг̄а, и впадающая в Атил река М̄азг̄а), практически аналогичные названиям пяти современных рек волжского бассейна – Маза.

Акцентировать внимание на факте наличия в рукописи слова ОЗЕРО М̄азг̄а не следует по одной простой причине: все реки, и Волга, в частности, периодически меняют свои русла. Старые русла рек, как правило, называются старицами. Таковые по факту представляют собой замкнутые водоемы – озера, протяженность которых порой составляет десятки километров.

Полноводность рек также величина переменная. Жителям городов, стоящих на судоходных реках, наверняка известно название «земснаряд» – судно, технического флота, предназначенное для дноуглубительных работ. Таким образом, все водоемы, по факту, достаточно подвижная *переменная* любого ландшафта, в отличие, скажем, от гор, хотя эрозию почвы также не стоит сбрасывать со счетов.

Кроме того, в этом фрагменте из Ибн Са'ида важна территориальная привязка буртасов к реке Атил, а также факт впадения реки М̄азг̄а именно в Атил. Напомним, что река Буртас арабских авторов (Масуди, Димашки) – приток Итиля.

³ Благодарю Виталия Федорова, Сергея Захарова, Михаила Андреева за предоставление не известной мне ранее информации.

⁴ Дискуссия о локализации реки Буртас см.: Тортика, 2004.

Полноводные реки, включая собственно Мазгу, согласно Ибн Са'иду, берут начало на горе Асгарун. В регионе, который мы предположительно рассматриваем, как область первоначального расселения буртасов, есть три горных массива. Прежде всего, это наивысшая точка Приволжской возвышенности, где находится исток реки Терешки (320 м), а также Хвалынские горы (369 м) и Жигулевские горы (381 м).

Важный вывод в этой связи есть в докторской диссертации И.Г. Коноваловой, посвященной анализу текстов арабских географов XII – XIV вв., в том числе Ибн Са'ида: «Появление подобных топонимов связано, прежде всего, с неизбежной особенностью субъективного пространственного восприятия – с тем, что в сознании отдельных людей крупные природные объекты (моря, реки, горы) не имеют четких границ и не осознаются в качестве целостных гидрографических или орографических систем. Вследствие этого средневековый географ в той мере, в какой он опирался на сообщения информаторов о таких объектах, оперировал отрывочными данными, которые он сам должен был систематизировать тем или иным способом. Однако причины формирования рассматриваемых топонимов могли быть обусловлены не только нехваткой конкретных сведений, но и отсутствием в них потребности у той аудитории, для которой предназначалось создаваемое сочинение. По-видимому, для потребителей такой топонимии, в первую очередь, была важна определенная географическая идея – воплощением которой и служил топоним, – а не ее детализация» (Коновалова, 2004).

Топоним Асгарун, в нашем исследовательском контексте важен наличием у него морфемы –ас. На Самарской Луке, в непосредственной близости от Жигулевских гор, есть четыре топонима (№ 10–13) *Аскулы*.

Если же вернуться к тезису И.Г. Коноваловой о «потребителе» сочинения Ибн Са'ида, то, возможно, для читателя того времени название горы Асгарун перекликалась с географической идеей небесного города скандинавских богов-асов – Асгарда. С учетом того, что в памяти европейцев того времени были свежи воспоминания о норманнских набегах, это предположение кажется нам вполне уместным.

Современник Ибн Са'ида (1213–1286 гг.) исландский скальд Снорри Стурлсон (1179–1241 гг.) в «Саге об Инглингах» писал, что столица асов – Асгард помещается в Азии на земле восточнее Танаиса-Дона (Асгард, 1990. С. 67). Известный норвежский ученый Тур Хейердал в этой связи усматривал определенную причинно-следственную связь между исторической информацией о сарматах-асах и сюжетами исландских саг, где говорилось о богах-асах, вождем которых был Один. Поиски легендарного Асгарда привели Хейердала в Азов, где в 2001 году им были проведены археологические раскопки.

Таким образом сбор, точное (на основе современных компьютерных программ) картирование современных топонимов с морфемой –ас, а также сопоставление их с картами распространения артефактов, связываемых с сарматами, мы пришли к выводу о существовании в Волго-Уралье на границах имениковского мира (главным образом на юге и востоке) крупной группировки поздних сармат – асов (ясов).

Судя по всему, тесным с востока уграми (кушнаренковская культура), а с юга – праболгарами (новинковский тип памятников) этот народ в VII веке был вынужден переселиться на правый берег Волги.

Привлекает внимание скопление группы топонимов (№ 20–27) *Маза*, расположенных от устья реки Усы – на севере и до устья реки Терешки – на юге. Современный топоним *Маза* практически повторяет гидронимы *Мазга* из сочинения Ибн Са'ида. Не исключено, что современная река Терешка с десятками притоков (три из которых – Маза) и была рекой Буртас арабских географов. К группе топонимов Маза территориально примыкают два топонима *Бурасы* (№ 30–31). По всей видимости, все это маркеры раннего пребывания асов/буртасов, которые согласно ал-Истахри и Ибн Хаукалю – «народ, расстилающийся по долине Итиля» (Калинина, 1990. С. 35).

Вероятно, наличие топонимов *Буртас* в современной Пензенской области и в Мордовии – свидетельство продвижения этого народа в более западные регионы. Возможно, это переселение связано с походом князя Святослава Игоревича в 965 году.

Финальной территориально-географической точкой миграции этой группы иранского населения стали районы современной Чувашии и западные районы Татарстана (рис. 8).

По всей видимости, русский источник «Слово о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава», датируемый XIII веком, повествует о буртасах, осевших именно на этих территориях: «от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы – то все покорил бог народу христианскому поганые страны.... Буртасы, черемисы, веда и мордва бортничали на князя великого Владимира» (Слово о погибели..., 1969. С. 326–327).

Пожалуй, следует сказать и о том, что единственным ученым-путешественником, лично (в качестве секретаря посольства из Багдада в Болгар) посетившим Среднее Поволжье в 922 году, был Ахмед Ибн Фадлан. Согласно его «Записке», на последнем отрезке пути, помимо собственно болгар, он встретил гузов, печенегов, башкир и даже русов. Он подробно описал их одежду, нравы и обычаи. И если бы ему встретились славяне, аланы, асы или буртасы, он не преминул бы хотя бы упомянуть их. Но эти народы ему не встретились. И это явное свидетельство того, что в X в. на правом берегу Волги этих народов уже не было.

Однако они оставили нам археологические свидетельства своего пребывания здесь, а также отголоски

своего языка, продолжающие звучать в названиях рек, озер, гор, оврагов, урочищ и населенных пунктов.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV – XIII века. М., 2003.
- Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа V – VII вв. М., 1989. 234 с.
- Асгард* // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 67.
- Афанасьев Г.Е.* Буртасы и лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры // СЭ. 1985. № 5. С. 164–169.
- Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–IX вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М.: Наука, 1987. 167 с.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: «Полдень. XXII век», 1998. 286 с.
- Берг Л.С.* Географические зоны Советского Союза. М., 1952. Т. III.
- Бобринский А.А.* Современное состояние и перспективы исследований керамики как исторического источника // Керамика как исторический источник. Куйбышев, 1991.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.
- Богачев А.В.* Погребение VI века на юго-западе Татари // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
- Богачев А.В.* Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара: «Артефакт», 1992а. 208 с.
- Богачев А.В.* К хронологии погребальных комплексов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья IV – VIII вв. // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992б. С. 25–36.
- Богачев А.В.* Кочевники лесостепного Поволжья V – VIII вв. Самара, 1998.
- Богачев А.В.* Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в середине I тыс. н.э. Саарбрюкен: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 340 с.
- Богачев А.В.* К истокам биритуализма погребальной обрядности племен именьковской культуры // Вестник Самарского муниципального института управления. Самара, 2013. № 4. С. 33–39.
- Богачев А.В.* Серьги с многогранником V – VII вв. на Средней Волге и в Предуралье (к вопросу о гото-аланском присутствии в регионе) // Вояджер: мир и человек. 2016. № 6. С. 7–56.
- Богачев А.В., Ермаков С.Ф., Хохлов А.А.* Выползовский I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996.
- Богачев А.В., Кузнецов А.В., Хохлов А.А.* Рутены – руги – русь: века, дороги, судьбы. Самара: Изд-во «Вояджер: мир и человек», 2019. 336 с.
- Богачев А.В., Кузнецов А.В., Хохлов А.А.* Венеды: индоевропейский контекст. Самара: Изд-во «Вояджер: мир и человек», 2022. 336 с.
- Васильева Д.И.* Археологическое почвоведение // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Самара: Изд-во «Самарский дом печати», 2007. С. 369–378.
- Гавритухин И.О., Малашев В.Ю.* Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // КЕС. Самара, 1998.
- Газимзянов И.Р.* Новые данные по антропологии населения Самарского Поволжья в эпоху раннего средневековья // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.
- Долуханов П.М.* География каменного века / Отв. ред. А.А. Величко. М.: Наука, 1979.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994.
- Зозулин Г.М.* Исторические свиты растительности европейской части СССР // Ботанический журнал. Т. 58. Вып. 8. 1973.
- Ибн Фадлан* // История татар с древнейших времен в семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая степь: Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 714–745.
- Ильина Н.С., Симонова Н.И.* Динамика растительного покрова лесостепи Заволжья под влиянием антропогенных факторов // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара, 1996.
- История татар с древнейших времен. Т. II. Казань, 2006.
- Казаков Е.П.* К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. Самара, 1996.
- Казаков Е.П.* Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Изд-во Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1998. С. 97–150.
- Казаков Е.П.* Новые материалы к проблеме интерпретации именьковских древностей // Вопросы археоло-

логии Урала и Поволжья. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. Вып. 2. С. 281–284.

Казаков Е.П. Раннеболгарские погребальные комплексы правобережья р. Волги в системе средневековых древностей Восточной Европы // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань: РИЦ, 2012. С. 117–132.

Казаков Е.П. О типологии и хронологии ранней Волжской Болгарии // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Материалы к V Международной археологической конференции. Самара: «Издательство СНЦ РАН», 2013. С. 24–26.

Казаков Е.П. Сарматское наследие в Волжской Болгарии // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. редакторы А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. Т. II. С. 168–170.

Казаков Е.П. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Коминтерновский II могильник. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. 148 с.

Калинина Т.М. Восточная Европа в представлениях ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал-Масуди (в связи с проблемой буртасов) // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов (тезисы к межобластной научной конференции). Пенза, 1990. С. 34–43.

Коновалова И.Г. Сведения о буртасах в «Географии» Ибн Са'ида // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов (тезисы к межобластной научной конференции). Пенза, 1990. С. 43–46.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в арабской географии XII – XIV вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2004.

Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 83–97.

Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: ИА РАН, 2000. 364 с.

Ковалевская В.Б. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М., 1995.

Кондрашин В.В. Железообработка в Среднем Поволжье и Прикамье в III в. до н.э. – VII в. н.э. (технологический аспект). Самара, 2003. 16 с.

Ледяйкин В.И. Пургасовское городище // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1976. С. 107–126.

Мажитов Н.А. Ново-Турбаслинский курганный могильник // Башкирский археологический сборник. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1959. С. 114–142.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968. 162 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. М., 1981. 164 с.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Исмагилов Р.Б., Бахшиева И.Р. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2008 года. Уфа, 2009. Т. III. 368 с.

Матвеева Г.И. К вопросу о происхождении погребений с труположениями на территории именьковской культуры // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара: «СамВен», 1996. С. 58–65.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. 226 с.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV – VII вв.: Именьковская культура. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 168 с.

Матвеева Г.И., Богачев А.В. Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.

Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Напольских В.В. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III – V вв. Ижевск, 1997.

Расторопов А.В. К вопросу о локализации буртасов по письменным и археологическим источникам // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов (тезисы к межобластной научной конференции). Пенза, 1990. С. 75–84.

Рослякова Н.В. Археозоология // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Самара: Изд-во «Самарский дом печати», 2007. С. 399–403.

Салугина Н.П. Некоторые вопросы истории именьковских племен в свете данных технико-технологического анализа керамики // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С. 119–144.

Салугина Н.П. Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. С. 216–246.

Семькин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка Волжской Булгарии: Раннеболгарский и домонгольский периоды: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Ин-т археологии. М., 1997. 29 с.

Синюк А.Т. Природно-географическая среда, этногенетические процессы и основы экономики в бронзовом веке Донской лесостепи // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара, 1996.

Слово о гибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава // Изборник. М.: Изд-во «Художественная литература», 1969. С. 326–327

Старостин П.Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.

Старостин П.Н., Хомутова Л.С. Железообработка у племен именьковской культуры // СА. 1981. № 3.

Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I – V вв. н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 7). М.: ИА РАН, 2005. 150 с.

Сташенков Д.А. Население Самарского лесостепного Поволжья I – V вв. н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 25 с.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура. Уфа: Изд-во «Гилем», 1998. 168 с.

Физико-географическое районирование Среднего Поволжья / Под ред. А.В. Ступишина. Казань, 1964.

Тортика А.А. Река «Буртас» средневековых восточных авторов: проблема локализации и идентификации // Хазарский альманах. 2004. Т. 3. С. 186–185.

Халиков А.Х. К вопросу об этнической территории буртасов во второй половине VIII – начале X в. // СЭ. 1985. № 5. С. 161–164.

Халиков А.Х. Буртасы и их историко-археологическое определение // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов (тезисы к межобластной научной конференции). Пенза, 1990. С. 88–97.

Хохлов А.А. Антропология // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Самара: Изд-во «Самарский дом печати», 2007. С. 379–398.

Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.

Таблица топонимов с морфемой –ас и топонимы буртасы

№	Топоним / название на национальном языке	Страна / область	Координаты	№	Топоним / название на национальном языке	Страна / область	Координаты
1	Ново-Турбаслы Яңы Турбаҫлы	РФ / Башкортостан	54°56'56" с. ш. 56°00'48" в. д.	19	Асапус (чуваш. назв. с. Смолькино. Голова или начало реки Усы)	РФ / Самарская	53°26'39" с. ш. 48°07'27" в. д.
2	Старые Турбаслы Иҫке Турбаҫлы	РФ / Башкортостан	54°56'38" с. ш. 56°07'25" в. д.	20	Маза река. Приток р. Усы	РФ / Самарская, Ульяновская	53°24'59" с. ш. 48°10'25" в. д.
3	Кармаскалы Кырмыҫкалы	РФ / Башкортостан	54°22'10" с. ш. 56°10'40" в. д.	21	Маза село	РФ / Самарская, Шигонский р-н	53°30'52" с. ш. 48°51'18" в. д.
4	Ассы Асы	РФ / Башкортостан	54°22'09" с. ш. 57°33'15" в. д.	22	Маза река. Правый приток Волги.	РФ / Самарская	53°19'39" с. ш. 48°45'24" в. д. (устье)
5	Асы Асы	РФ / Башкортостан	54°28'05" с. ш. 56°37'33" в. д.	23	Маза река. Приток р. Терешки	РФ / Ульяновская, Радищевский р-н	52°51' с. ш. 47°53' в. д.
6	Азово Азау	РФ / Башкортостан	54°27'13" с. ш. 57°05'52" в. д.	24	Маза река. Приток р. Терешки	РФ / Саратовская, Хвалынский р-н	52°29'00" с. ш. 48°06'00" в. д.
7	Асылыкул (озеро) Асылыкул	РФ / Башкортостан	54°18'46" с. ш. 54°34'38" в. д.	25	Маза река. Приток р. Терешки	РФ / Саратовская, Вольский р-н	52°03'00" с. ш. 47°23'00" в. д.
8	Асекеево	РФ / Оренбургская	53°34'00" с. ш. 52°48'00" в. д.	26	Сосновая Маза	РФ / Саратовская	52°29'49" с. ш. 47°52'51" в. д.
9	Аслыялы	РФ / Чувашия	55°41'37" с. ш. 47°21'09" в. д.	27	Акатная Маза	РФ / Саратовская	52°28'58" с. ш. 47°41'02" в. д.
10	Аскулы село	РФ / Самарская	53°16'52" с. ш. 49°36'36" в. д.	28	Туймазы	РФ / Башкортостан	54°36' с. ш. 53°42' в. д.
11	Акульский овраг	РФ / Самарская	53°10'10" с. ш. 49°37'00" в. д.	29	Астанай (Астанаевка) урочище	РФ / Самарская	53°39'00" с. ш. 52°08'00" в. д.
12	Сосново-Акульский (Тайбакский) овраг	РФ / Самарская	53°17'16" с. ш. 49°32'06" в. д.	30	Новые Бурасы	РФ / Саратовская	52°07'51" с. ш. 46°04'44" в. д.
13	Акульская высота урочище	РФ / Самарская	53°16'52" с. ш. 49°36'36" в. д.	31	Старые Бурасы	РФ / Саратовская	52°15'30" с. ш. 46°08'57" в. д.
14	Вторые Вурманкасы	РФ / Чувашия	55°54'57" с. ш. 47°22'44" в. д.	32	Талкас озеро (башк. Талкаҫ)	РФ / Башкортостан	52°50'13" с. ш. 58°15'14" в. д.
15	Чермасан река Сәрмәсән	РФ / Башкортостан	55°10'26" с. ш. 55°18'18" в. д.	33	Миасс река башк. Мейәс, рус. дореф. Миясь, Миассь)	РФ / Башкортостан, Челябинская, Курганская	54°47'09" с. ш. 59°37'16" в. д.
16	Кармасан река Кармасан	РФ / Башкортостан	55°07'14" с. ш. 55°43'04" в. д.	34	Миасс город	РФ / Челябинская	55°03' с. ш. 60°06' в. д.
17	Арзамас	РФ / Нижегородская	55°23'00" с. ш. 43°48'00" в. д.				
18	Пургасовское городище (Ледяйкин, 1976)	РФ / Мордовия	54°40'04" с. ш. 43°32'53" в. д.				

№	Топоним / название на национальном языке	Страна / область	Координаты	№	Топоним / название на национальном языке	Страна / область	Координаты
35	Миасские горы (Большой и Малый Миасс)	РФ / Челябинская	55°20' с. ш. 59°26' в. д.	65	Асянь (тат. <i>Әсән</i>)	РФ / Татарстан	56°09'15" с. ш. 49°06'34" в. д.
36	Асмётровка	РФ / Саратовская	52°20'13" с. ш. 44°55'59" в. д.	66	Азнáлкино, <i>Азнáлы</i> (башк. <i>Азналы</i>)	РФ / Башкортостан	53°55'36" с. ш. 58°09'06" в. д.
37	Асекеевская ж/д станция	РФ / Пензенская	53°05'00" с. ш. 45°42'00" в. д.	67	Азикеево (башк. <i>Әзекәй</i>)	РФ / Башкортостан, Белорецкий р-н	53°55'52" с. ш. 58°14'18" в. д.
38	Асаново	РФ / Чувашия	55°31'40" с. ш. 47°40'36" в. д.	68	Азикеево (башк. <i>Әзекәй</i>)	РФ / Башкортостан, Мечетлинский р-н	56°01'41" с. ш. 58°15'36" в. д.
39	Стемасы	РФ / Чувашия	54°47'40" с. ш. 46°37'11" в. д.	69	Азнаево (башк. <i>Азнай</i>)	РФ / Башкортостан, Ишимбайский р-н	53°24'21" с. ш. 56°21'49" в. д.
40	Асхва	РФ / Чувашия	55°31'23" с. ш. 47°26'11" в. д.	70	Азнаево (башк. <i>Азнай</i>)	РФ / Башкортостан, Бижбулякский р-н	53°29'23" с. ш. 54°24'09" в. д.
41	Медикасы (чуваш. <i>Метикасси</i>)	РФ / Чувашия	55°42'07" с. ш. 47°20'42" в. д.	71	Азангúлово (башк. <i>Азангол</i>)	РФ / Башкортостан, Мечетлинский р-н	55°44'47" с. ш. 58°26'28" в. д.
42	Большие Абакасы			72	Азангúлово (башк. <i>Азангол</i>)	РФ / Башкортостан, Белорецкий р-н	53°50'04" с. ш. 57°58'45" в. д.
43	Асакасы	РФ / Чувашия	56°03'27" с. ш. 47°15'39" в. д.	73	Азангúлово (башк. <i>Азангол</i>)	РФ / Башкортостан, Кугарчинский р-н	52°38'19" с. ш. 56°14'05" в. д.
44	Яранкасы			74	Тарказы (башк. <i>Тарказы</i>)	РФ / Башкортостан	53°50'11" с. ш. 53°37'58" в. д.
45	Астакасы	РФ / Чувашия	56°02'28" с. ш. 47°48'43" в. д.	75	Акбасар (башк. <i>Акбасар</i>)	РФ / Башкортостан	54°18'32" с. ш. 54°10'59" в. д.
46	Асакасы (чуваш. <i>Ассакасси</i>)	РФ / Чувашия	55°42'07" с. ш. 46°53'10" в. д.	76	Буртас река	РФ / Пензенская	53°23'02" с. ш. 42°53'27" в. д.
47	Азнакаево (тат. <i>Азнакәй</i>)	РФ / Татарстан	54°51' с. ш. 53°04' в. д.	77	Буртасы (Расторпов, 1990)	РФ / Пензенская, Краснослободской уезд. Перепись 1926 г. Совр. Мордовия	54°26' с. ш. 43°47' в. д.
48	Асаво-Зубово (башк. <i>Асау-Зубов</i>)	РФ / Башкортостан	53°44'30" с. ш. 55°55'33" в. д.	78	Буртасы (Расторпов, 1990)	РФ / Пензенская, Краснослободской уезд. Перепись 1926 г. Совр. Мордовия	54°26' с. ш. 43°47' в. д.
49	Асавбашево (башк. <i>Асаубаш</i>)	РФ / Башкортостан	53°50'32" с. ш. 55°41'41" в. д.	79	Буртасы (Расторпов, 1990)	РФ / Пензенская, Чембарский уезд. Перепись 1926 г.	52°58'00" с. ш. 43°25'00" в. д.
50	Аскино (башк. <i>Аскын</i>)	РФ / Башкортостан, Архангельский р-н	54°15'03" с. ш. 56°52'20" в. д.	80	Буртасы (Расторпов, 1990)	РФ / Пензенская, Чембарский уезд. Перепись 1926 г.	52°58'00" с. ш. 43°25'00" в. д.
51	Аскино (башк. <i>Аскын</i>)	РФ / Башкортостан, Аскинский р-н	56°05'13" с. ш. 56°34'45" в. д.	81	Буртасы	РФ / Мордовия, Темниковский р-н	54°38'13" с. ш. 43°33'44" в. д.
52	Асканыш (башк. <i>Асканыш</i>)	РФ / Башкортостан	54°31'19" с. ш. 56°29'57" в. д.	82	Буртасы (чув. <i>Пáртас</i>)	РФ / Чувашия, Вурнарский р-н	55°29'48" с. ш. 46°51'30" в. д.
53	Асканыш (башк. <i>Асканыш</i>) озеро	РФ / Башкортостан	54°31'19" с. ш. 56°29'57" в. д.	83	Буртасы (чув. <i>Пáртас</i>)	РФ / Чувашия, Урмарский р-н	55°45'03" с. ш. 47°44'19" в. д.
54	Асяново (башк. <i>Әсән</i>)	РФ / Башкортостан	55°26'40" с. ш. 54°43'09" в. д.	84	Большие Буртасы (тат. <i>Олы Бортас</i>)	РФ / Татарстан, Камско-Устинский р-н	55°16'18" с. ш. 48°54'43" в. д.
55	Асавтамак (башк. <i>Асаутамак</i>)	РФ / Башкортостан	55°59'33" с. ш. 55°31'02" в. д.	85	Малые Буртасы (тат. <i>Кече Бортас</i>)	РФ / Татарстан, Камско-Устинский р-н	55°15'51" с. ш. 48°55'38" в. д.
56	Асавды (башк. <i>Асаузы</i>)	РФ / Башкортостан	56°11'18" с. ш. 55°53'18" в. д.	86	Буртасы	РФ / Татарстан, Камско-Устинский р-н	55°23'20" с. ш. 49°02'23" в. д.
57	Калтасы			87	Большая Маза	РФ / Нижегородская	56°08'23" с. ш. 45°12'26" в. д.
58	Асавдыбаш (башк. <i>Асаузыбаш</i>)	РФ / Башкортостан	56°10'40" с. ш. 55°10'46" в. д.	88	Аскинка река	РФ / Башкортостан	56°05'58" с. ш. 56°35'59" в. д.
59	Аскиш (башк. <i>Аскиш</i>)	РФ / Башкортостан	55°55'01" с. ш. 56°35'42" в. д.				
60	Аскыш (устар. Аскиш) река	РФ / Башкортостан	55°52'47" с. ш. 56°37'13" в. д.				
61	Асавка (башк. <i>Асау</i>)	РФ / Башкортостан	56°08'17" с. ш. 56°06'27" в. д.				
62	Асавка река	РФ / Башкортостан	55°59'57" с. ш. 55°34'23" в. д.				
63	Асинер	РФ / Удмуртия	56°24'33" с. ш. 51°39'38" в. д.				
64	Асан-Елга	РФ / Татарстан	56°07'11" с. ш. 50°56'38" в. д.				

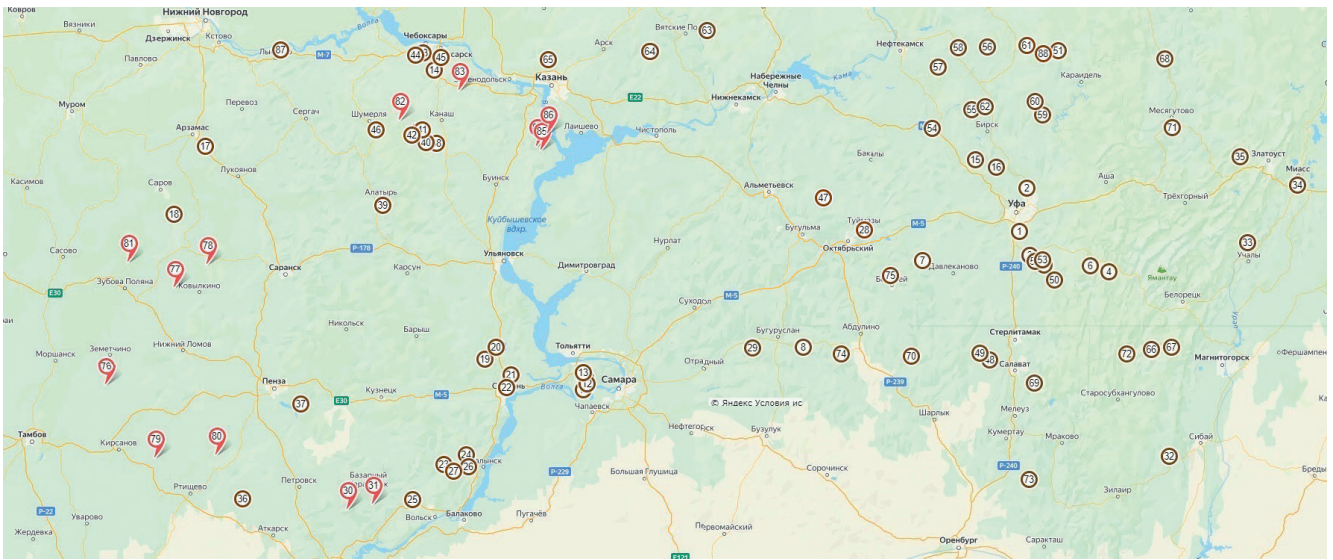

Рис. 1. Карта топонимов с морфемой –ас (кружочки) и топонимы буртасы («запятые»). Расшифровка номеров см. Таблицу топонимов.

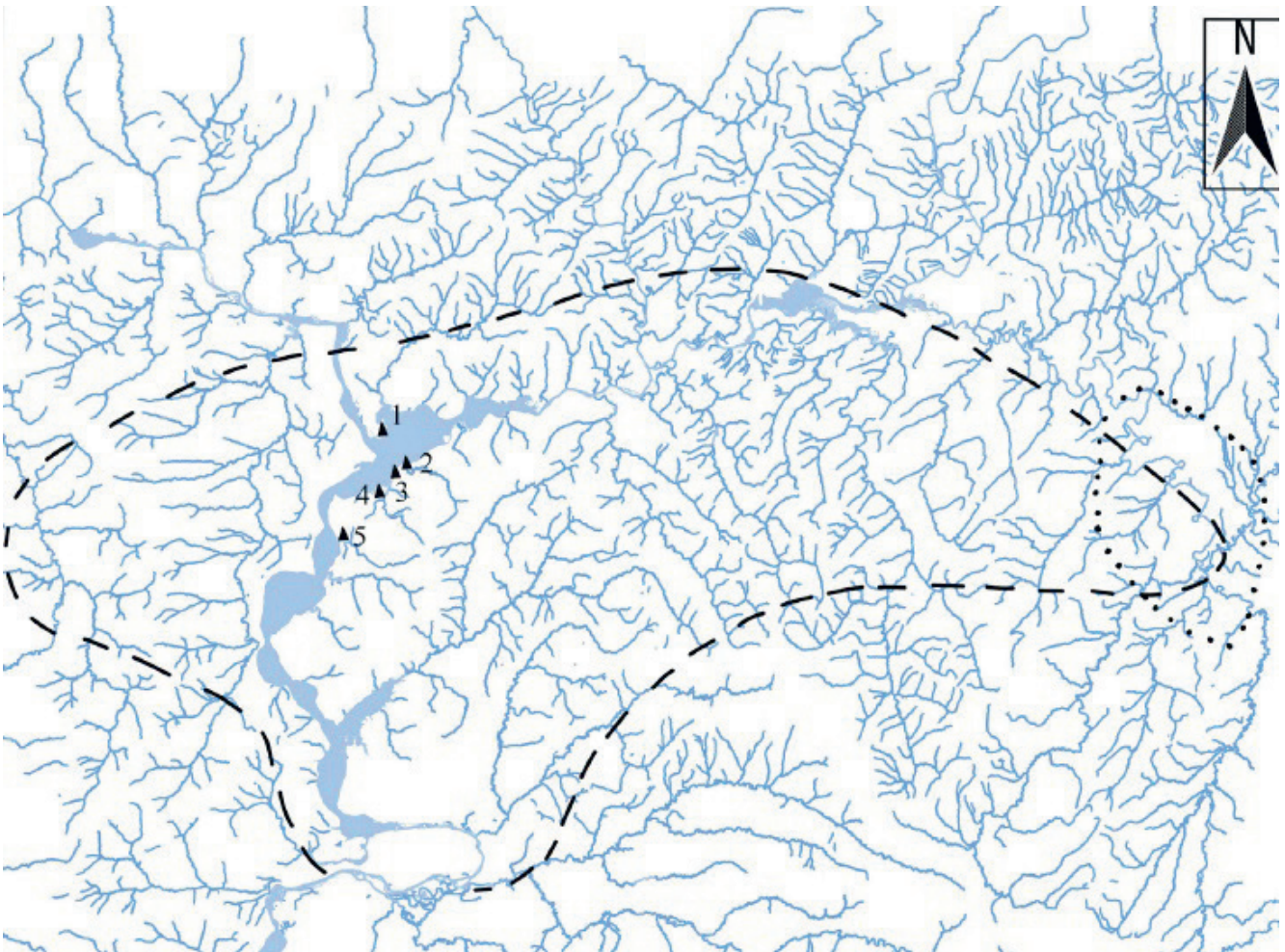

Рис. 2. Карта именьковской (пунктир) и турбаслинской (линия точек) культур, а также памятников типа Коминтерновского II могильника (треугольники). По Е.П. Казакову (2021).

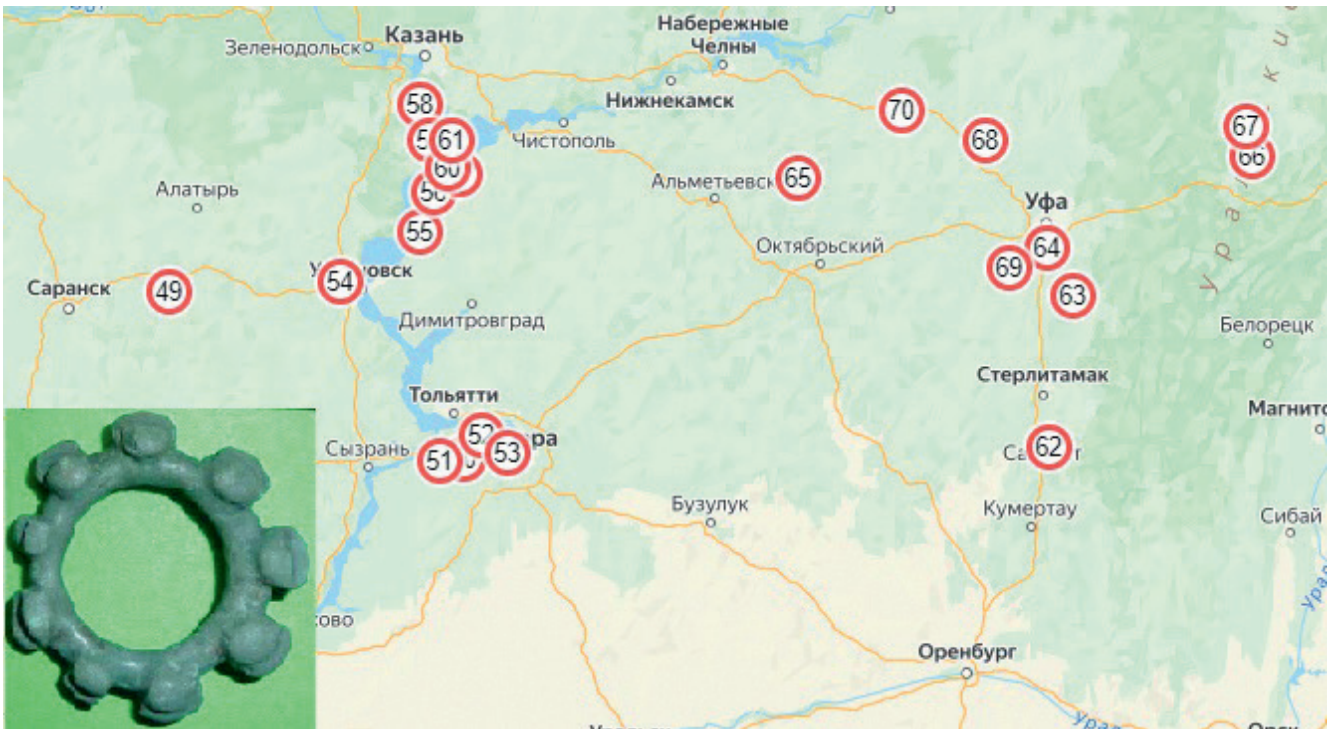

Рис. 3. Карта распространения в Волго-Урале кольцевых подвесок с выпуклинами. Расшифровка номеров см.: Богачев и др., 2022. Табл. 8.

Рис. 4. Карта распространения в Волго-Урале полиэдрических серег. Расшифровка номеров см.: Богачев, 2016. Рис. 3.

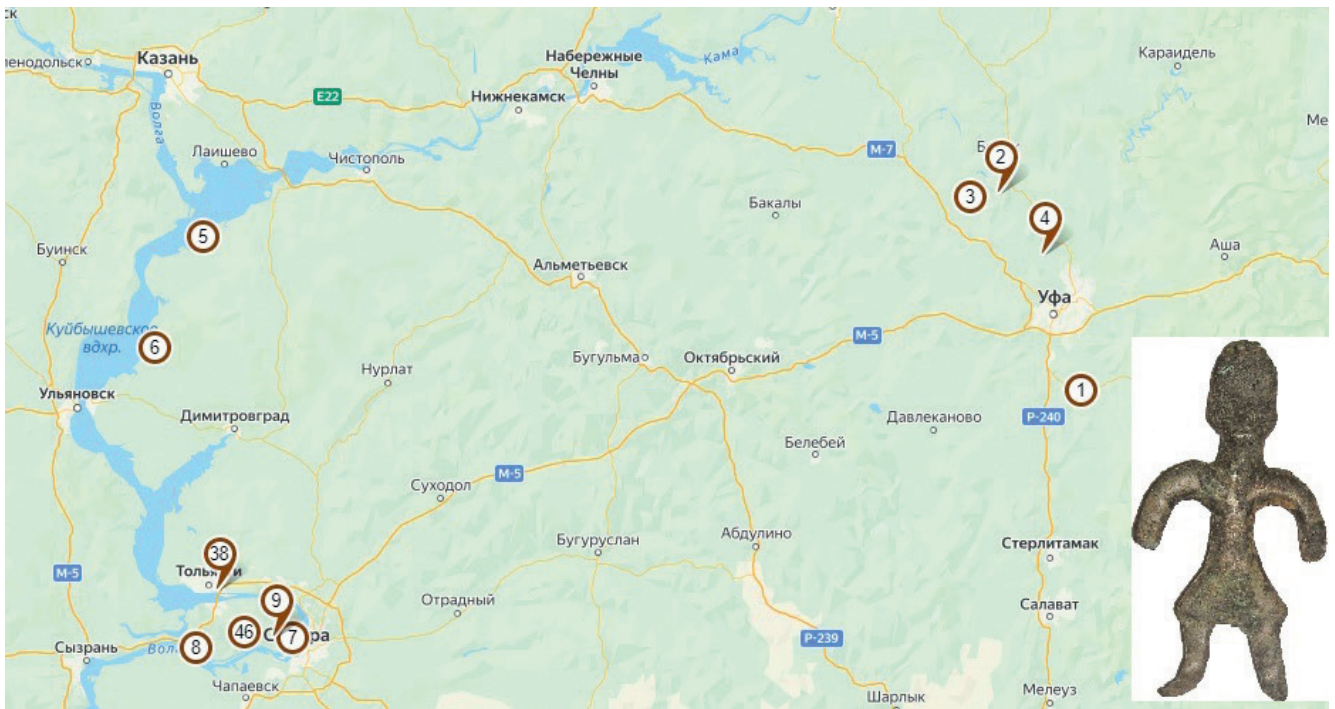

Рис. 5. Карта распространения в Волго-Уралье антропоморфных амулетов. Расшифровка номеров см.: Богачев и др., 2022. Табл. 9.

Рис. 6. Карта распространения памятников именьковской культуры и кочевнических погребений. Расшифровка номеров см.: Богачев, 2011. Рис. 65.

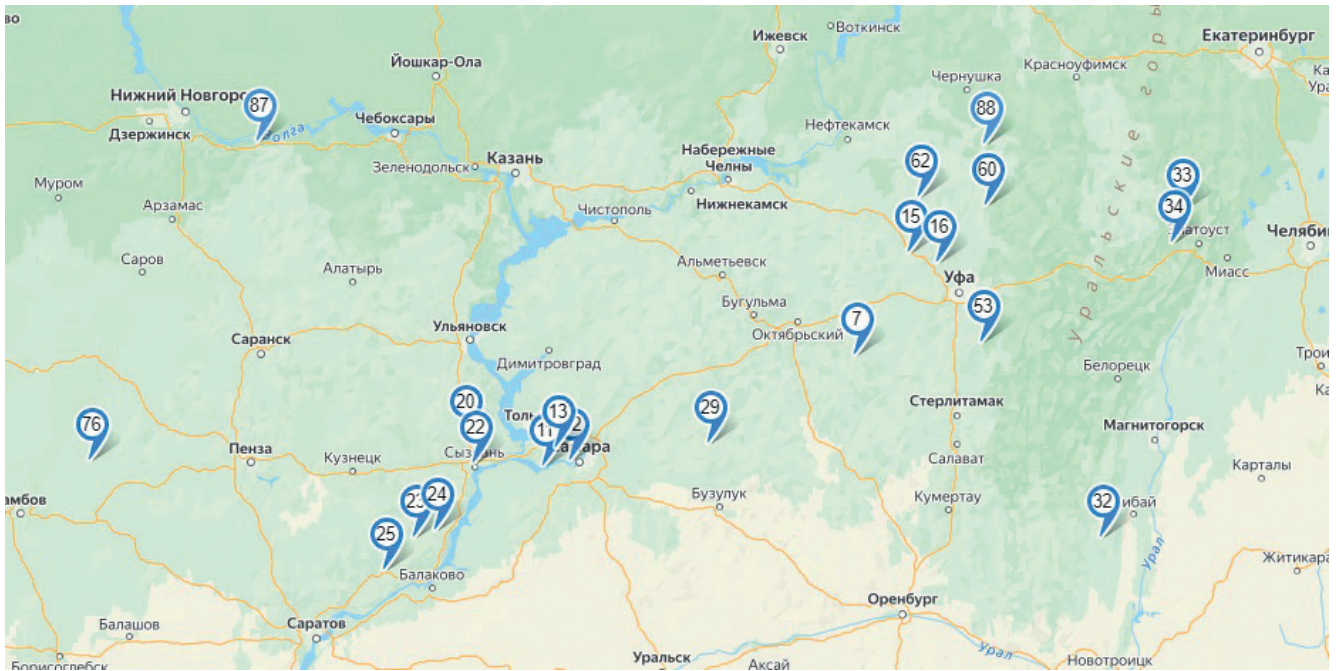

Рис. 7. Карта природных топонимов (водоемы, овраги, горы, урочища) с морфемой –ас. Расшифровка номеров см. Таблицу топонимов.

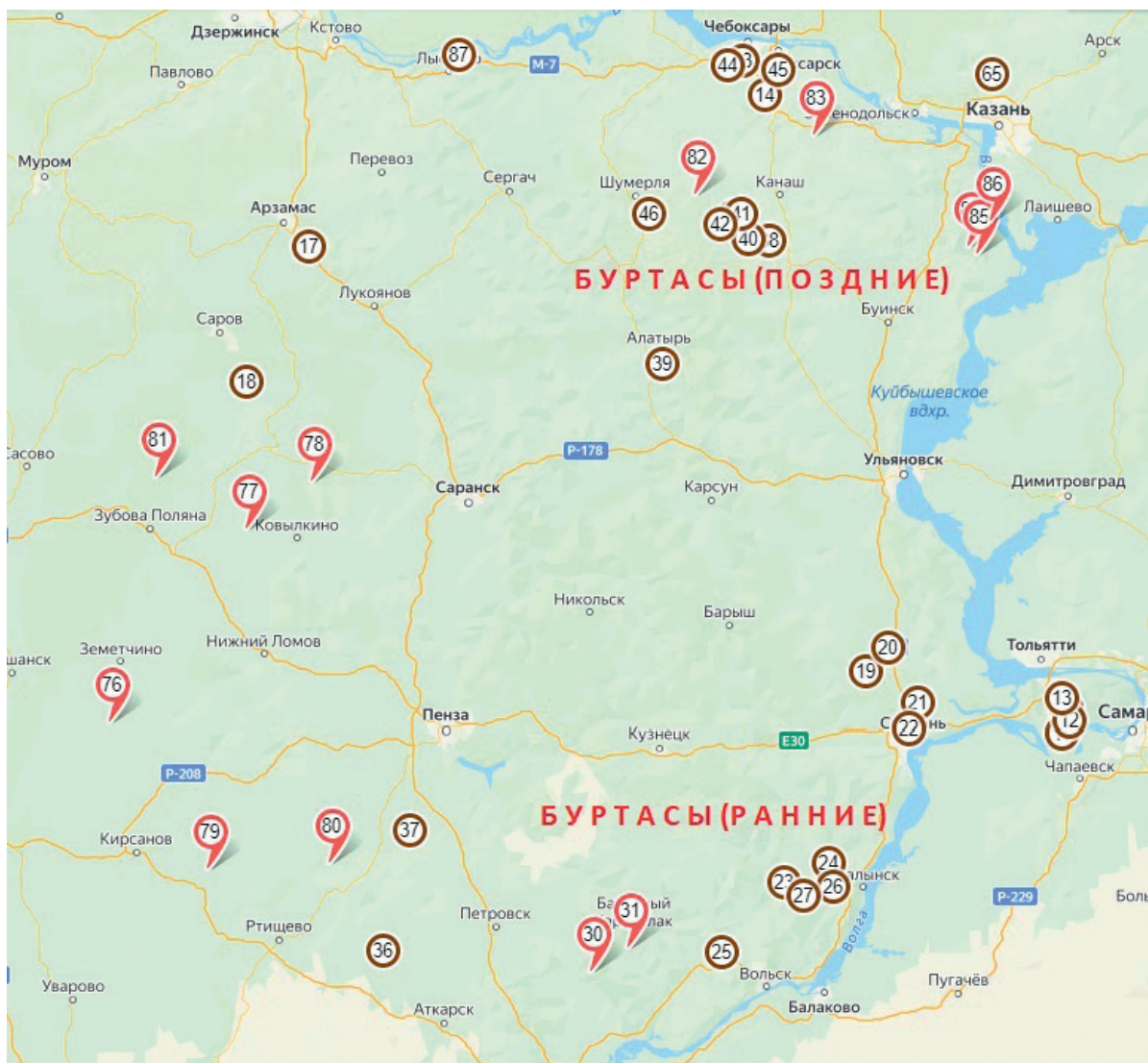

Рис. 8. Карта топонимов с морфемой –ас (кружочки) и топонимы буртасы («запяты») на Правобережье Волги.